

«Развитие женского образования в Российской империи XIX века: по материалам Тамбовского Александринского института»

Научный руководитель – Топильский Алексей Геннадьевич

Епихина Кристина Александровна

Студент (бакалавр)

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

E-mail: kristinaepihina22@gmail.com

Учрежденная в XVIII веке закрытая система женского образования была направлена на воспитание «новой породы» женщин, свободных от традиционных предрассудков и способных стать проводниками просвещения общества. Однако декларируемые намерения вступали в противоречие с реальной практикой: система институтского воспитания нивелировала индивидуальность учениц, подводя под общий уровень. В связи с этим возникает вопрос: в какой мере институтская система действительно способствовала реализации своих первоначальных просветительских задач?

Данное противоречие может быть рассмотрено на примере Тамбовского Александринского института благородных девиц – одного из провинциальных женских учебных заведений, учрежденного в соответствии с общероссийской образовательной политикой. Институт был основан по решению Тамбовского дворянского собрания в 1834 году и открыт в 1843-м, получив имя императрицы Александры Фёдоровны, принявшей его под свое покровительство [2].

Возможность для критического пересмотра основ женского институтского образования открылась в связи с инициативой Главного совета женских учебных заведений императрицы Марии, который запросил у местных советов предложения по корректировке устава 1855 г. [5]. Полученные отзывы продемонстрировали небывалый уровень критики по поводу недостатков закрытой системы. Показательной в этом отношении является позиция одного из членов совета Тамбовского Александринского института. Он указал на то, что институтское воспитание не всегда преследует цель «возвысить в глазах девицы собственное её назначение, облагородить её стремления указанием высшего идеала, представительницей которого суждено ей сделаться, вообще расширить ту узкую сферу, в которой простая жизненная практика хочет вместить назначение женщины» [Лихачева, 1901, с. 307]. Важно отметить, что он разделял общее мнение, согласно которому воспитанницы институтов не становились просвещенными личностями, а утрачивали свои уникальные черты.

Следует обратиться к причинам данного феномена. Прежде всего это обусловлено строгим отделением воспитательной части (со стороны классных дам) от учебной, осуществляемой педагогами, что уже ставило под сомнение целостность системы институтского образования. Разобщенность наиболее остро проявлялась в отношении к педагогам-мужчинам. Педагоги воспринимались как источник нежелательного нравственного влияния на воспитанниц. В силу опасений относительно потенциальной угрозы с их стороны оживленные беседы во время урока подавлялись подозрительными взглядами классных дам, что фактически исключало воспитательный потенциал обучения.

Если преподаватели были лишены возможности влиять на нравственное развитие воспитанниц, то классные дамы, формально отвечавшие за эту сферу, зачастую оказывались не готовы к реализации возложенной на них миссии. Воспитательная часть с их стороны сводилась лишь к внешнему соблюдению установленного порядка, так как они, в большинстве своём бывшие институтки, действовали лишь через призму институтской рутины, не

стремясь к какому-либо пониманию психологической составляющей воспитанниц. Напротив, новоиспечённые институтки, отягощенные тоской по родным, сразу же попадали в среду, где приходилось лишь слушать замечания о приличной выдержке, которые быстро охлаждали детскую резвость, порождали недовольство к окружающей действительности и снижали образовательный потенциал.

Член хозяйственной части Тамбовского Александринского института также связывал общее недостаточное развитие воспитанниц с отсутствием внутреннего единства в педагогическом коллективе. Примечательно, что и сама начальница Тамбовского института признавала, что слияние воспитательной и учебной части могли бы содействовать большему моральному развитию и задавать правильную направленность формирования личности воспитанниц, но заявляла, что преподаватели недостаточно благовоспитанны, чтобы содействовать классным дамам в воспитании девиц.

О том, что описанная в тамбовских материалах ситуация носила общероссийский характер, свидетельствует очерк Л.Ф. Гиргас, воспитанницы Смольного института [3]. Она охарактеризовала дореформенное состояние учебного дела (до преобразований К. Д. Ушинского 1859–1861 гг.), при котором роль учителя сводилась исключительно к проверке уроков, чаще всего даже без объяснения нового материала. На занятиях ученицы обязаны были сохранять полную неподвижность, дабы классная дама не наказала их за неумение держаться. В мемуарах ещё одной воспитанницы Смольного института Е. Н. Водовозовой указывается, что возможность рассуждать на уроках появилась только с приходом К. Д. Ушинского, который не просто одобрил, но и вменил это педагогам в обязанность [1]. Тамбовские материалы фиксируют ту же проблему, что подтверждает назревшую необходимость реформ в сфере женского образования.

Показательно и то, какое воздействие реформы оказали на самих воспитанниц. Л.Ф. Гиргас вспоминала, что после преобразований неформальное, дружеское отношение педагогов к ученицам произвело на них небывалое впечатление. У них появилась возможность живой беседы, принципиально отличавшейся от прежнего общения по правилам.

Таким образом, проведённое исследование позволяет утверждать, что система закрытого женского образования действительно не отвечала заявленным просветительским целям. На примере Тамбовского Александринского института отчётливо проявились все противоречия данной системы, ставшие причиной нивелировки личностного начала воспитанниц. Свидетельства членов Тамбовского совета, фиксировавшие утрату воспитанницами индивидуальных черт, полностью согласуются с воспоминаниями Смольных институток Л.Ф. Гиргас и Е. Н. Водовозовой, которые описывали дореформенную практику как исключаящую живую мысль и живое общение. Тот факт, что преобразования К. Д. Ушинского, вернувшие в учебный процесс возможность рассуждать, произвели на воспитанниц положительный эффект, лишь подтверждает, насколько глубока была потребность в реформах.

Источники и литература

- 1) Бокова В. М., Сахарова Л. Г. Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2008.
- 2) Верещагин П. А. Исторический очерк Тамбовского Александринского института благородных девиц 1843–1893 годов. Тамбов, 1893.
- 3) Гиргас Л. Ф. Статс-дама Мария Павловна Леонтьева. Киев, 1895.
- 4) Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России 1856–1880. Спб., 1901

- 5) Устав женских учебных заведений ведомства учреждений императрицы Марии.
Спб., 1855.